

«ЗАКАТ ЕВРОПЫ» СТО ЛЕТ СПУСТЯ

О.С. Карнаухова

*... Есть расцветающие и стареющие культуры,
народы, языки, истины, боги, страны,
как есть молодые и старые дубы и пинии,
цветы, ветки и листья, но нет стареющего человечества.*

[Освальд Шпенглер. Закат Европы]

Краткое предисловие

Сто лет назад в Мюнхене была опубликована работа Освальда Шпенглера «Der Untergang des Abendlandes» – «Падение Запада» (так переводят еще «Закат Европы»). А в 1922 г. в Москве выходит сборник статей Н.А. Бердяева, Я.М. Бухшпана, А.Ф. Степуна, С.Л. Франка «Освальд Шпенглер и Закат Европы». Так на русском языке «Падение Запада» начало звучать как «Закат Европы».

Сто лет спустя мы вновь обращаемся к данной работе и обсуждаем вызовы, которые стоят перед Европой сегодня. В 2017 г. в Давосе Всемирный экономический форум Совета Европы опубликовал короткий доклад «Европа: что ожидать в 2016–2017 годах»¹.

В докладе отмечается, что ЕС, «кажется, движется от одной аварии к другой» и что «европейцы не смотрят на более глубокие долгосрочные задачи», и тем, «как Европейский Союз справится со своими непосредственными проблемами в ближайшие пару лет, будет определяться, как континент будет жить в ближайшие десятилетия».

Карнаухова Оксана Сергеевна, кандидат философских наук, доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений Института истории и международных отношений Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42, oskarnauhova@sfnedu.ru.

¹ Europe: What to Watch Out for in 2016–2017. The White Paper published in 2016, February 26. World Economic Forum. Retrieved at <https://www.weforum.org/whitepapers/europe-what-to-watch-out-for-in-2016-2017> (access date May, 20 2018).

Сегодня мы наблюдаем пять основных трендов, связанных с европейской экономикой, цифровизацией, миграцией, геополитическими угрозами и риском Брексит.

Брексит. В настоящее время подтверждается, что правительство Терезы Мэй намерено вывести Великобританию из единого рынка, что можно определить как «сложный Брексит». Данный шаг будет связан со значительными издержками, прежде всего для Великобритании, а также для экономики ЕС-27, причем их серьезность варьируется от сектора к сектору. Очевидные сложности ожидают интегрированные производственные цепочки. Ограничение свободного потока капитала между континентом и крупнейшим финансовым центром Европы будет иметь последствия не только для лондонских финансовых учреждений, но и для финансирования возможностей в Европе.

Миграция и беженцы. Миграционный кризис в 2015 г. снизил свои показатели после сделки ЕС и Турции и закрытия балканского маршрута весной 2016 г. Хотя в целом чувство острого кризиса, вызванного потоками беженцев и миграции, сократилось, мы фиксируем отсутствие единодушия в позиции стран-членов ЕС по вопросу квот принимаемых беженцев, а проблема африканской миграции все еще не решена. Проблема интеграции мигрантов в разных странах остается огромной. Еще одной проблемой, с которой сталкивается Европа, остается безопасность, и при одновременной радикализации ислама в отдельных странах ЕС это вызывает острое беспокойство в европейском обществе.

Европейская экономика. Несмотря на шок Брексита, экономическая ситуация в ЕС и зоне еврозоны оставалась на пути постепенного улучшения в течение прошлого года. Реальная экономическая активность растет благодаря растущему потреблению, Европейский Центральный Банк все еще очень поддерживает денежно-кредитную политику, низкие цены на нефть и слабый евро. Тем не менее, существует несколько рисков, мешающих экономическим перспективам для Европы, в частности, сложности заключения торгового соглашения между ЕС и Канадой (СЕТА), связанные с реакцией части Бельгии – Валлонии. Это говорит об отсутствии единства среди европейских государств по вопросу о перспективах транснационального сотрудничества.

Цифровая Европа. Стремясь подготовить европейское общество к цифровому будущему, ЕС сделал определенный шаг вперед, хотя процесс остается медленным – с учетом сложности и чувствительности некоторых из затронутых вопросов. В частности, это нашло свое отражение в процессе принятия Общего регламента защиты данных (ВВП), который планируется инициировать в мае 2018 г., а также в переговорах с США по вопросу Safe Harbor. Между тем вырисовываются проблемы с конфиденциальностью, и здесь уже Европейский суд придерживается особо строгой линии. Кроме того, в ЕС нет согласия в вопросе обеспечения важнейшей свободы для трансграничного перемещения данных, по-прежнему наблюдаются меркантилистские тенденции в дискуссии о потоках данных в ряде стран ЕС, и ожидаемые ограничения по сохранению данных будут налагать издержки на бизнес в ЕС.

Внешняя политика и политика безопасности. В июне 2016 г. ЕС опубликовал свою Европейскую глобальную стратегию, пытаясь представить согласованные рамки для своих отношений с внешним миром. Из этого вытекает и то, что сотрудничество с НАТО выходит на новый уровень как по разрешению разных «гибридных» угроз, так и в реализации новых планов в области безопасности и обороны внутри ЕС. Несмотря на это, ЕС по-прежнему остается маргинальным игроком по широким вопросам безопасности. Надо отметить, что Брексит несколько изменил расклад политических сил внутри ЕС в пользу стабильности, а тенденция снижения доверия к ЕС была купирована. Это не означает подлинной поддержки интеграционного процесса в ЕС, но чревато опасностью неопределенности. Между тем можно уверенно прогнозировать проблемы сплоченности ЕС в ближайшие годы. Мы видим, как в европейских странах ранее доминирующие политические партии потеряли поддержку популистских сил, сосредоточенных на антииммиграционных, анти-торговых и антиевропейских проблемах.

С момента подписания Римских договоров Европа переживала волны углубления и расширения интеграции вместе с большим количеством сбоев. Теперь, может впервые с момента создания ЕС, встает важный вопрос о будущем Европы и ЕС. Во многих странах ЕС выступают против дальнейшего углубления интеграции или расширения (или того и другого). В то же время давление внешних событий и угроз вынудило государства — члены ЕС попытаться найти общее решение, зная, что сами по себе они слишком малы, чтобы эффективно решить нарастающие проблемы. Кризис беженцев и миграции, террористические угрозы, а также цифровые проблемы все это иллюстрируют.

Сегодня мы вновь задаем провокационные вопросы о «Европе мечты» и «Европе реальности» и предлагаем обсудить их в рамках дискуссии, к участию в которой приглашены эксперты различных дисциплинарных полей. Критике подвергается как концепция, предложенная в начале XX века, так и современные попытки актуализировать идею «заката» европейской цивилизации. Предлагаемые вопросы открыты, а ответы экспертов не ставят финальную точку в обсуждении, но открывают новое поле для размышлений о настоящем Европы и прогнозов о ее будущем.

Ключевые слова: закат Европы, Освальд Шпенглер, кризис солидарности, интеграция, миграционный кризис, регионализм.

Вопросы дискуссии:

1. Существует ли «закат Европы» как концептуальная модель сегодня? Каковы ее характеристики?
2. Можем ли мы говорить о специфике восприятия «заката Европы» изнутри и снаружи? И если да, то каковы различия в концептуальных подходах к данной проблеме?

3. Можем ли мы оценить миграционный кризис, регионализм, кризис идентичности и солидарности в Европе как «свидетельства заката Европы»?
4. Являются ли интеграционные проекты Евразийского Союза, Нового Шелкового Пути (Один Пояс – Один Путь) симптомом угасания европейской цивилизации в послевоенном формате, знакомом нам с конца 1940-х гг.?
5. Сбылись ли прогнозы Освальда Шпенглера?

Участники:

Арчил Сихарулидзе, со-основатель Центра Системных Политических Исследований (CSPR), редактор Грузинского Журнала Системной Политики (GJSP);

Томас Крюссманн, профессор, доктор наук (Королевский Колледж, Великобритания), Школа Политических Наук и Международных Отношений Университета Кента (Великобритания), координатор Сети Жана Монне «Developing European Studies in the Caucasus» совместно с Университетом Тарту (Эстония)/ Институт политических исследований Иоанна Скитте, ведущий эксперт Проекта ЕС «Strengthening Teaching and Research Capacity at ADA University» (Баку, Азербайджан);

Рустем Давлетгильдеев, доктор юридических наук, доцент, академический координатор Центра превосходства Жана Монне в области европейских исследований VOICES+, заместитель декана юридического факультета по международной деятельности, Казанский федеральный университет, Россия;

Брайан Кристиансен, исполнительный директор LLC «Global Research Society», США;

Горан Илик, PhD, декан юридического факультета Университета Климента Охридского, Битола, Республика Македония;

Айжаркын Кожобекова, кандидат философских наук, старший советник исследовательского сектора Тренингово-аналитического центра «Унум», Кыргызстан.

“THE DECLINE OF EUROPE” A HUNDRED YEARS LATER

O.S. Karnaukhova

Short Introduction

A hundred years ago in Munich the work of Oswald Spengler “Der Untergang des Abendlandes” – “Fall of the West” was published (also translated as “The Decline of Europe”). And in 1922 a collection of articles by N.A. Berdyaev, Ya.M. Bukspan, A.F. Stepun, S.L. Frank “Oswald Spengler and the Decline of Europe” published in Moscow. So in Russian, “The Fall of the West” began to sound like “The Decline of Europe”.

A hundred years later, we again turn to this work and discuss the challenges facing Europe today. In 2017 the Davos World Economic Forum of the Council of Europe published a short report “Europe: what to expect in 2016–2017”.

The report notes that the EU “seems to be moving from one accident to another” and that “Europeans do not look at deeper long-term tasks”, and “how the European Union copes with its immediate problems in the next couple of years will determine how the continent will live in the coming decades”.

Karnaukhova Oxana S., Candidate of Science (Philosophy and Cultural Studies), Associate Professor at the Department of the World History and International Relations, Institute of History and International Relations of Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya street, Rostov-on-Don, 344006, Russia, oskarnaukhova@sfedu.ru.

Today, we observe five main trends related to the European economy, digitalization, migration, geopolitical threats and the risks of Brexit.

Brexit. It is now confirmed that the Government of Theresa May intends to withdraw Great Britain from a single market, which can be defined as “complex Brexit process”. This step will be associated with significant costs, primarily for the UK, as well as for the EU-27 economy, and their severity varies from sector to sector. Obvious complexity is expected by integrated production chains. Limiting the free flow of capital between the continent and the largest financial center of Europe will have consequences not only for London financial institutions, but also for financing opportunities in Europe.

Migration and refugees. The migration crisis in 2015 reduced its performance after the EU-Turkey deal and the closure of the Balkan route in the spring of 2016. Although in general the sense of the acute crisis caused by the flows of refugees and migration has decreased, we note the lack of unanimity in the position of the EU member states on the issue of quotas for refugees, and the problem of African migration is still unresolved. The problem of integration of migrants in different countries remains huge. Another problem that Europe faces is security and the simultaneous radicalization of Islam in the EU nation-states. This causes acute concern in European society.

The European economy. Despite the shock of Brexit, the economic situation in the EU and the euro area continued to progressively improve over the past year. Real economic activity is progressing, thanks to growing consumption, the European Central Bank is still very supportive of monetary policy, low oil prices and a weak euro. Nevertheless, there are several risks to the economic prospects for Europe, in particular the difficulty of concluding a trade agreement between the EU and Canada (CETA) related to the reaction of a part of Belgium – Wallonia. This indicates the lack of unity among European states on the issue of prospects for transnational cooperation.

Digital Europe. In an effort to prepare European society for a digital future, the EU has taken a step forward, although the process remains slow, given the complexity and sensitivity of some of the issues raised. In particular, this was reflected in the adoption of the General Data Protection Regime (GDPR), which is planned to be initiated in May 2018, as well as in negotiations with the US on Safe Harbor. Meanwhile, problems with confidentiality loom, and here already the European court adheres to a particularly strict line. In addition, there is no agreement in the EU on providing the most important freedom for cross-border data movement, there are still mercantilist tendencies in the debate about data flows in a number of EU countries, and the expected data conservation restrictions will impose costs on business in the EU.

Foreign and security policy. In June 2016, the EU published its European Global Strategy, trying to present an agreed framework for its relations with the outside world. It follows from this that cooperation with NATO is reaching a new level both in resolving various “hybrid” threats and in implementing new plans for security and defense within the EU. Despite this, the EU remains a marginal player on broad security issues. It should be noted

that Brexit somewhat changed the alignment of political forces within the EU in favor of stability, and the trend of declining confidence in the EU was stopped. This does not mean genuine support for the integration process in the EU, but perhaps a threat of uncertainty. Meanwhile, it is possible to confidently forecast the problems of EU cohesion in the coming years. We see how in the European countries the previously dominant political parties lost the support of populist forces focused on anti-immigration, anti-trade and anti-European problems.

Since the signing of the Treaty of Rome, Europe has experienced waves of deepening and expanding integration along with a large number of failures. Now, perhaps for the first time since the creation of the EU, an important question arises about the future of Europe and the EU. In many countries of the EU there is a mood against further deepening integration or expansion, or both. At the same time, the pressure of external events and threats forced the EU member states to try to find a common solution, knowing that themselves they are too small to effectively solve growing problems. The crisis of refugees and migration, terrorist threats, as well as digital problems all illustrate this.

Today we again ask provocative questions about the “Europe of dream” and “Europe of reality” and we suggest to debate them within the framework of the discussion, in which experts from various disciplinary fields are invited to participate. Criticism is subjected both to the concept proposed in the early twentieth century, as well as modern attempts to actualize the idea of the “decline” of European civilization. The proposed issues are open, and the experts’ answers do not pose a final point in the discussion, but open up a new field for thinking about the present Europe and predicting its future.

Keywords: decline of Europe, Oswald Spengler, solidarity crisis, integration, migration crisis, regionalism.

Questions for Discussion are following:

1. Is there a “decline of Europe” as a conceptual model today? What are its characteristics?
2. Can we talk about the specifics in the perception of the “decline of Europe” from the inside and outside? And if so, what are the differences in conceptual approaches to this problem?
3. Can we assess the migration crisis, regionalism, identity crisis and solidarity in Europe as an “evidence of the decline of Europe”?
4. Are the integration projects of the Eurasian Union, the New Silk Road (One Belt – One Road) a symptom of the extinction of European civilization in the post-war format familiar to us from the 1940s?
5. Did Oswald Spengler’s forecasts come true?

Disputants:

Archil Sikharulidze, co-founder, Center of System Political Research (CSPR), editor of the Georgian Journal of System Politics (GJSP), Georgia;

Thomas Kruessmann, Prof. Dr. Dr. h.c., LL.M. (King's College), School of Politics and International Relations of University of Kent (Great Britain), co-ordinator of the Jean Monnet Network "Developing European Studies in the Caucasus" with the University of Tartu / Johan Skytte Institute of Political Studies and Senior Expert in the EU Technical Assistance Project "Strengthening Teaching and Research Capacity at ADA University" in Baku (Azerbaijan);

Rustem Davletgildeev, Doctor of Law, Academic coordinator of the Jean Monnet Centre of Excellence in European Studies VOICES+, Vice-dean of the Faculty of Law on International Activity, Kazan Federal University, Russia;

Bryan Christiansen, Chief Executive Officer, Global Research Society, LLC, USA;

Goran Ilik, PhD, Faculty of Law, "St. Kliment Ohridski" University – Bitola, Republic of Macedonia;

Aijarkyn Kojobekova, PhD in Philosophy, Associate professor, Senior Adviser on Research, UNUM, Training, Research and Analytics Company, Kyrgyzstan.

«Объединение во имя сохранения»

А. Сихарулидзе

“Consolidation for the sake of preservation”

A. Sikharulidze

1. Существует ли «закат Европы» как концептуальная модель сегодня? Каковы ее характеристики?

Думаю, что можно выделить две более-менее сформировавшиеся модели. Первая – **интеграционная**, которая часто звучит из уст членов Европарламента. Ее постулатом является утверждение о жизненной важности продолжения интеграционных процессов на Европейском пространстве, с целью формирования Европы как одного из ведущих центров притяжения в глобальной политике. Говоря простыми словами, страны, входящие в Европейскую «семью», должны слиться в сверхгосударственный субъект международных отношений, чтобы путем этого союза произошло объединение их политических, экономических и военных возможностей для противостояния уже существующим политическим силам (США, Россия) и силам, которые рано или поздно заявят о своих правах на международной арене – Китай, Индия, Бразилия. Если Европейские государства не отложат в сторону свои споры и не будут готовы распрощаться с долей государственного суверенитета, то Европа как минимум потеряет роль глобального игрока, или того хуже: она будет поглощена другими силами – сверхдержавами. Ни одно Европейское государство не сможет в одностороннем порядке тягаться с этими субъектами глобальной политической системы. Следовательно, объединение необходимо, чтобы не настал «Закат Европы».

Арчил Сихарулидзе, сооснователь Центра системных политических исследований (CSPR), редактор Грузинского журнала системной политики (GJSP);
info@archilsikharulidze.ge a.sikharulidze@gjsp.ge; http://archilsikharulidze.ge.

Archil Sikharulidze, co-founder, Center of System Political Research (CSPR),
editor of the Georgian Journal of System Politics (GJSP);
info@archilsikharulidze.ge; a.sikharulidze@gjsp.ge; http://archilsikharulidze.ge.

С другой стороны, есть вторая модель, которую я бы назвал **цивилизационной**. Яркими представителями этого движения являются члены т.н. Пегиды (Патриотические европейцы против исламизации Запада), а также, как ни странно, довольно-таки многие люди извне ЕС. В этой модели больше внимания уделяется Европе как цивилизации, которая стоит на конкретных культурно-религиозных основах и вытекающих из них постулатах. Цивилизационная модель утверждает, что «Закат Европы» может настать не из-за упадка политического статуса и появления новых сверхдержав на политической арене, а вследствие важных цивилизационных перемен, которые сейчас происходят внутри Европы. Эти процессы в первую очередь связаны с миграционным кризисом и усилением роли Ислама. Проблемой в данном случае является то, что в отличие от середины XX в., когда эмигранты стремились максимально ассимилироваться с местной культурой и обычаями (сохранив при том частичку своей оригинальной идентичности), то сейчас, на фоне доминирования политкорректности и принципов прав человека, такие тенденции не замечаются. Страны Европы вливают немалые деньги в обучение и интеграцию этих людей в общеевропейскую семью; однако, несмотря на все усилия, значительная часть эмигрировавших людей остается верной мировоззрению, противоречившему фундаментальным Европейским нормам. Следовательно, необходимо максимально контролировать миграционный поток, чтобы обеспечить сохранность и целостность Европейской цивилизации и убедиться, что новоявленные граждане ЕС их разделяют, готовы защищать.

Подытоживая: **интеграционная модель** обращает внимание на политическую роль Европы в глобальной политике. Цель — объединение во имя сохранения; в ином случае ЕС станет политически и экономически неконкурентоспособным субъектом на международной арене. Цивилизационная же модель делает акцент на культурно-религиозные процессы. Миграция и исламизация — вот возможный сценарий «Конца Европы». Новая цивилизация — в виде последователей ислама (по Шпенглеру — Арабская культура) — поглотит Европу.

2. Можем ли мы говорить о специфике восприятия «заката Европы» изнутри и снаружи? И если да, то каковы различия в концептуальных подходах к данной проблеме?

Я соглашусь с этим утверждением. Думаю, что представители Европейского политического истеблишмента больше встревожены интеграционными процессами внутри субъекта — кризис солидарности, идентичности. Миграционный кризис для них в первую очередь связан с экономическими и социальными вызовами. Также для представителей ЕС важно, чтобы позиции Европы в глобальной политике выходили за рамки регионального игрока.

В то же время представители других стран слегка по-другому смотрят на эти же вопросы. Например, миграционный кризис для Грузии — это возможный отказ Европы от дальнейшего открытия своих границ, что может сильно навредить сближению грузинского общества с европейскими ценностями. Кризис солидарности

же, в свою очередь, может привести к отказу от будущего расширения, в рамках которого Тбилиси надеется наконец-то стать частью Европы и Европейской цивилизации в целом. Также Грузия рассматривает Европу как противовес Российской Федерации, и ее внутривнутриполитическая стабильность очень важна. В общем, для таких стран как Грузия «закат Европы» связан в первую очередь со своим цивилизационным путем. Если Европа станет жертвой регионализма и всех остальных негативных факторов, то Тбилиси окажется в сложной геополитической ситуации.

Конечно же, следует упомянуть и тот факт, что большинство стран очень пристально следят за миграционным кризисом и теми изменениями, которые происходят в этническом и религиозном составе Европы. Это может показаться неполиткорректным, но многие волнуются за сохранность европейской цивилизации именно с этой точки зрения. Эти государства задаются вопросом: сможет ли Европа переварить такой большой поток миграции из мусульманских стран? Не станет ли она жертвой своей же политкорректности?

Если возвратиться к первому вопросу о концептуальных моделях «заката Европы», то внешние игроки скорее всего обратили бы больше внимания на т.н. цивилизационную модель. Особенно те страны, которые сейчас активно сражаются за место под европейским небом. Для этих государств Европа/европейская цивилизация — это возможность оградиться от нежелательных соседей и воссоединиться с цивилизацией, которая им близка с культурно-религиозной точки зрения. Наверяд ли эти страны обрадуются, если миграционный кризис приведет к таким фундаментальным изменениям, которые сделают Европу, для них и их восприятия, больше не Европой.

3. Можем ли мы оценить миграционный кризис, регионализм, кризис идентичности и солидарности в Европе как «свидетельства заката Европы»?

Сомневаюсь, чтобы эти явления можно было оценить как «свидетельства»; скорее, я бы использовал термин «возможные предпосылки Заката Европы». Но и тут следует пошагово проанализировать каждый процесс, поскольку они по-разному влияют на Европейское будущее. К примеру, вряд ли можно ставить на один уровень миграционный кризис и кризис идентичности; или же регионализм и кризис солидарности. По степени важности я бы расположил их в следующей последовательности: кризис идентичности, кризис солидарности, регионализм и миграционный кризис.

Мне кажется, что кризис идентичности — это наименьшее, что может навредить Европе. Во-первых, в том контексте, в котором зачастую говорят о европейской идентичности, она никогда не существовала. Ее построение началось лишь в конце XX в. Я не уверен, что даже сейчас можно утверждать, что она существует. Следовательно, вряд ли кризис идентичности может каким-то образом привести к какому-либо «закату». Тут же хотел бы заметить, что этот кризис был предсказуем, поскольку расширение Европы на восток обязательно привело бы к столкновению

разных менталитетов и мировоззрений. Как бы мы не утверждали, что Европа едина, но на самом деле пропасть между Западной Европой и Восточной очень большая. Особенно между странами, которые принадлежат т.н. Западно-Римской культуре и Византийской.

Из сказанного мною выше произрастает и второй кризис – солидарности. Скорее всего, тут подразумевается в первую очередь отсутствие солидарности по миграционному вопросу. Страны Восточной Европы по-другому смотрят на многие вещи. Это обусловлено культурой, религией и историей. Для них миграция связана с цивилизационной угрозой, которая может нависнуть над Европой, если она приведет к фундаментальным изменениям в этническом и религиозном составе общества. Грубо говоря, эти страны лишь недавно стали частью «Европы»; и они хотели бы видеть ее такой, какой она им запомнилась в историческом контексте – свобододолюбивые христиане, объединенные вокруг демократических идей. Однако и этот кризис солидарности не может нанести серьезный урон Европе, поскольку абсолютно все члены ЕС солидарны в базовых аспектах.

По сравнению с двумя вышеперечисленными процессами, регионализм является более серьезным вызовом. В общем, Европа является региональной силой с начала т.н. холодной войны. Отсутствие у нее армии и других важных атрибутов не позволяет ей подняться в статусе. И ей следовало бы начать работать над этим. В частности, задуматься о создании Европейской армии, которая сможет не только защищать собственные земли, но и эффективно включаться в разные военные миссии за пределами ЕС. В тоже время, несмотря на свой «регионализм», Европа добилась того, что ее мягкая сила (в том числе, мягкая сила отдельно взятых членов) настолько сильна и привлекательна, что с этой точки зрения она по-прежнему доминирующий игрок на международной арене. Следовательно, Европе нужно добавить военную составляющую, чтобы обеспечить себе важный атрибут власти, но сохранить экономическую притягательность.

Ну и, конечно же, миграционный кризис является важнейшим вызовом для стран Европы. Если и есть дилемма, которая может рассорить страны ЕС, так это миграция. Именно этот вопрос и привел к кризису солидарности и нуждается в срочном разрешении.

В общем, каждое явление по-своему влияет на Европу. Однако я не считаю, что эти «предпосылки» приведут к «Закату Европы». Думаю, что это очередной этап развития самой Европы, который будет более-менее удачно пройден.

4. Являются ли интеграционные проекты Евразийского Союза, Нового Шелкового Пути (Один Пояс – Один Путь) симптомом угасания европейской цивилизации в послевоенном формате, знакомом нам с конца 1940-х гг.?

Если мы подразумеваем здесь роль европейской цивилизации, где страны ЕС и США рассмотрены как часть одной цивилизации, то конечно. Вся система международных отношений претерпевает фундаментальные изменения. Этот процесс

неизбежен не только потому, что появились другие сверхдержавы, но и по принципу доминирования. Европейская цивилизация властвовала на протяжении многих лет. После распада СССР, объединенный Запад подмял под себя весь мир. Это был момент максимального политического, экономического и военного доминирования США/Европы – в целом, Запада. Как это принято у истории, после такого успеха неизбежно следует стагнация и упадок. Вот мы и стали свидетелями стагнации. В результате всплыли новые политические силы, которые предложили альтернативные интригующие интеграционные модели для тех субъектов международных отношений, которые не хотели или не могли вписаться в существующий порядок.

Тут следует отдельно сказать о том, что в особенно сложной ситуации оказалась Америка. Ее внешняя политика в 1990-х и в начале 2000-х нанесла имиджу страны («светочи демократии») сокрушительный удар. Америка оказалась не готова к тем полномочиям, которые ей были предоставлены международным обществом после конца холодной войны. Оказавшись на глобальной арене без т.н. системы сдержек и противовесов, США выбрал неоконсервативную внешнюю политику, которая расорила Вашингтон с Брюсселем и настроила многих людей скептически по отношению к «шерифу».

Ситуация с самой Европой намного лучше. Европейские страны до сих пор считаются примером политического, экономического и социального благополучия, стабильности и уважения к человеческой жизни. Именно поэтому большая часть мигрирующих из своих стран людей стремится попасть не в Америку, не в Евразийский Союз или же в Китай, а в Европу. Пока это стремление стать частью Европы существует, ни одна модель не сможет затмить европейскую цивилизацию.

Подытоживая: европейская цивилизация будет подвинута со своего пьедестала, и эпоха ее тотального доминирования пришла к концу. Новые центры притяжения будут появляться и предлагать альтернативные интеграционные модели. Однако европейская цивилизация никуда не исчезнет, будет играть важную роль и притягивать многих людей своими фундаментальными ценностями и принципами. Пропасть она может лишь в том случае, если Евразийский Союз и Шелковый путь будут более интересными проектами, что вряд ли случится, учитывая то, какие страны стоят за их реализацией.

5. Сбылись ли прогнозы Освальда Шпенглера?

Как политолог-международник, я не могу согласиться с этим утверждением. Европейская цивилизация актуальна как никогда. Она до сих пор является примером для подражания. Более того, такие страны, как Грузия, Украина и Молдова отчаянно пытаются стать частью этой цивилизации и поспособствовать ее укреплению и сохранению. Исходя из этого, Европа может быть сейчас в кризисе, однако она все еще является важным центром притяжения.

Более того, навряд ли ее поглотит т.н. сибирская цивилизация; сама сибирская цивилизация расколота на тех, кто хочет стать частью европейской. Однако есть

цивилизация, которая может дать начало существенным метаморфозам – арабская, или исламская (если ее можно так именовать). По прогнозам ученых, к 2050 г. ислам будет самой распространенной религией на планете. В тоже время некоторые ученые называют сегодняшний миграционный кризис очередным «великим переселением» народов. Это переселение в Европу, и абсолютное большинство переселенцев проповедуют ислам консервативного типа. Это люди, которые не имеют ничего общего ни с европейской цивилизацией, ни с ее фундаментальным религиозно-философским мировоззрением. К тому же в ведущих странах Европы бушует сильный демографический кризис. Если миграция продолжится, то этнический и религиозный состав Европы обязательно изменится. Какими будут последствия, тяжело сказать, но что точно можно предвидеть, так это то, что Европа не будет уже прежней. И с философской точки зрения, мы сможем заявить о «конце Европы» в той форме, в которой мы ее ранее лицезрели. Если еще больше углубиться в философию, то можно предвидеть такой исход событий, когда европейская цивилизация не подойдет к концу, а наоборот, получит в результате миграции новый сильный заряд т.н. космической силы – по Гумилеву. И обновленная европейская цивилизация вместо упадка окажется в очередной раз на пике своих возможностей; цивилизация видоизмененная, но все-таки европейская.

Думаю, что приблизительно к середине XXI в. мы сможем точнее оценить достоверность прогноза Шпенглера. А пока Европа в кризисе, и ей надо в обязательном порядке задуматься над тем, как продолжить свое развитие и выйти из стагнации: будет это дополнительное расширение (Грузия, Украина, Молдова) или же усиление акцента на внутреннюю политику.

To the question of the “idea of Europe”

Th. Kruessmann

К вопросу об «идее Европы»

Т. Крюссманн

1. Is there a “decline of Europe” as a conceptual model today? What are its characteristics?

1. Существует ли «закат Европы» как концептуальная модель сегодня? Каковы ее характеристики?

As a conceptual model of today, the term „sunset of Europe” is misleading and does not have any value. Obviously, the term refers to the work of Oswald Spengler “Der Untergang des Abendlandes” which is a historical-philosophical treatment of world history written in the early twentieth century under the impression of World War One. In this historical treatment, Spengler does not specifically refer to “Europe”, but to the Occident, comprising the European-North Atlantic cultural space at this specific time. It must not be confused with “Europe”, even if using the term in Russian is reminiscent of the long-standing debate between Europeanizers and Slavophiles. Hence, whatever one believes to be the “Downfall of Europe” is unrelated to any kind of ideas that may be held today in certain nationalistic circles, especially in Russia. I may only be guessing why the question asks about the value of this supposedly conceptual model today. If it was a criticism directed against the EU, then there would be room for debate. But in the era of globaliation, Europe is far from being a super-power compared to the era of colonialism or even earlier stages when European countries dominated the world.

Крюссманн Томас, профессор, доктор наук (Королевский Колледж Великобритания), Школа Политических Наук и Международных Отношений Университета Кента (Великобритания), координатор Сети Жана Монне “Developing European Studies in the Caucasus” совместно с Университетом Тарту (Эстония)/ Институт политических исследований Иоанна Скитте, ведущий эксперт Проекта ЕС “Strengthening Teaching and Research Capacity at ADA University” (Баку, Азербайджан); Кентербери, Кент, CT2 7NX, Великобритания; kruessmann.thomas@gmail.com.

Kruessmann Thomas, Prof. Dr. Dr. h.c., LL.M. (King's College), School of Politics & International Relations, University of Kent, Canterbury, Kent, CT2 7NX co-ordinator of the Jean Monnet Network “Developing European Studies in the Caucasus” with the University of Tartu / Johan Skytte Institute of Political Studies and Senior Expert in the EU Technical Assistance Project “Strengthening Teaching and Research Capacity at ADA University” in Baku (Azerbaijan); kruessmann.thomas@gmail.com.

В качестве концептуальной модели сегодня термин «закат Европы» вводит в заблуждение и не имеет никакой ценности. Очевидно, этот термин относится к работе Освальда Шпенглера "Der Untergang des Abendlandes", которая является историко-философским трактатом мировой истории, написанной в начале двадцатого века под впечатлением Первой мировой войны. В этом историческом обращении Шпенглер обращается не конкретно к «Европе», а к Западу, включающему европейское-североатлантическое культурное пространство в это конкретное время. Его нельзя путать с «Европой», даже если использование термина на русском языке напоминает давние споры между западниками и славянофилами. Следовательно, все, что, как считается, является «Падением Европы», не связано ни с какими идеями, которые, возможно, поддерживаются в определенных националистических кругах, особенно в России. Я могу только догадываться, почему вопрос ставится о ценности этой предположительно концептуальной модели сегодня. Если бы это была критика, направленная против ЕС, тогда было бы место для дискуссий. Но в эпоху глобализации Европа далека от сверхдержавы по сравнению с эпохой колониализма или даже более ранних этапов, когда европейские страны доминировали в мире.

2. Can we talk about the specifics in the perception of the "decline of Europe" from the inside and outside? And if so, what are the differences in conceptual approaches to this problem?

2. Можем ли мы говорить о специфике восприятия «заката Европы» изнутри и снаружи? И если да, то каковы различия в концептуальных подходах к данной проблеме?

This question can be properly asked only if a concept of the "sunset of Europe" is properly defined in a way that is meaningful for today. Perhaps then, it is possible to discuss it from the outside and inside. But since I am unaware of such a concept, I am unable to discuss it.

Этот вопрос может быть правильно задан, только если концепция «заката Европы» будет правильно определена таким образом, который имеет смысл для сегодняшнего дня. Возможно, тогда это можно обсудить извне и внутри. Но поскольку я не знаю такой концепции, я не могу ее обсуждать.

3. Can we assess the migration crisis, regionalism, identity crisis and solidarity in Europe as an "evidence of the decline of Europe"?

3. Можем ли мы оценить миграционный кризис, регионализм, кризис идентичности и солидарности в Европе как «свидетельства заката Европы»?

Definitely no. There is much to be said about a crisis of the European Union in terms of its governance, its lack of legitimacy and its often clumsy bureaucratic behaviour. But in the area of Trump and senseless populism, the idea of Europe is even more strongly felt than before, seeking ways of dealing with the crises described in the question and paying tribute to the historical legacy that is uniting Europe. It appears to be arbitrary and out of context to place the migration crisis, regionalism, a crisis of identity and solidarity

in Europe even in conceptual proximity to the idea of the “sunset of Europe”. There is no denying that as a result of many largely unrelated developments in the economic and political world order, Europe has ceased to be a place in which people live isolated happy lives. Regionalism, to begin with, is not a crisis, but a source of strength. It is deeply connected to identity and to the way that identity is constructed: from the identity of family to living in a city, being part of a region in a specific nation up to associating oneself with the idea of Europe. Every country is so much a patchwork that when looking at the thousands and thousands of regions and regionalisms we can actually be surprised that self-determination movements such as in Scotland and Catalunya do form a minority. Overwhelmingly, people are aware that being together in Europe under one roof is a historical inevitability. It is a consensus so strong that only a minority of extremists can actually believe that returning to a prae-European state of being offers any solution.

Определенно нет. Можно многое сказать о кризисе Европейского Союза с точки зрения его управления, отсутствия легитимности и часто неуклюжего бюрократического поведения. Но в условиях существования Трампа и бессмысленного популизма идея Европы еще сильнее ощущается, чем раньше, когда идут поиски способов борьбы с кризисами, представленными в вопросе, и отдавая дань историческому наследию, которое объединяет Европу. Кажется произвольным и внеконтекстуальным стремление поставить миграционный кризис, регионализм, кризис идентичности и солидарности в Европе даже в концептуальной близости к идее «заката Европы». Нельзя отрицать, что в результате многих не имеющих отношения к событиям в экономическом и политическом миропорядке Европа перестала быть местом, в котором люди живут изолированной счастливой жизнью. Прежде всего, регионализм — это не кризис, а источник силы. Он глубоко связан с личностью и с тем, как формируется личность: от идентичности семьи до жизни в городе, являющейся частью региона в конкретной стране, чтобы связать себя с идеей Европы. Каждая страна представляет собой лоскутное одеяло, и глядя на тысячи и тысячи регионов и регионализмов, мы действительно можем быть удивлены, что движения за самоопределение, такие как в Шотландии и Каталонии, составляют меньшинство. В подавляющем большинстве люди знают, что быть вместе в Европе под одной крышей является исторической неизбежностью. Консенсус настолько силен, что только меньшинство экстремистов действительно может поверить, что возвращение в до-европейское состояние предлагает решение любой проблемы.

4. Are the integration projects of the Eurasian Union, the New Silk Road (One Belt – One Road) a symptom of the extinction of European civilization in the post-war format familiar to us from the 1940s?

4. Являются ли интеграционные проекты Евразийского Союза, Нового Шелкового Пути (Один Пояс – Один Путь) симптомом угасания европейской цивилизации в послевоенном формате, знакомом нам с конца 1940-х гг.?

It is rather contentious to consider the Eurasian Union and the New Silk Road as integration projects. But even if crediting them with some amount of integration (which I doubt), what relationship would there be with a so-called eclipse of European civilization

in the post-war format? The post-war format, as it is here called, refers to the system of international relations that the United States and the Soviet Union created in Yalta, in an era when China was still negligible and the systemic antagonism between capitalism and socialism still not fully felt. The Eurasian Union is one of several political attempts to reconstitute the political and economic territory that was once comprised by the Soviet Union. Whether and how countries that emerged from the Soviet Union organize their inter-relationship is something that is complete up to them. There is no meaningful connection to any kind of processes that are happening in Europe, whether one wants to call them "rise", "downfall" or whatever. The New Silk Road is not an integration project, but one of commercial expansion, coupled with a certain political appetite of the Chinese Communist Party to use its economic might to gain influence in a number of countries. What is driving it is completely different from what is driving the Eurasian Union and, again, there is no connection to anything that may be happening within Europe.

Весьма спорно рассматривать Евразийский союз и Новый Шелковый путь как интеграционные проекты. Но даже если признать их некоторый интеграционный характер (в чем я сомневаюсь), какое отношение это может иметь к так называемому закату европейской цивилизации в послевоенном формате? Послевоенный формат, как он здесь называется, относится к системе международных отношений, созданной Соединенными Штатами и Советским Союзом в Ялте, в эпоху, когда Китай был еще ничтожен, а системный антагонизм между капитализмом и социализмом еще не полностью прочувствован. Евразийский союз является одной из нескольких политических попыток воссоздать политическую и экономическую территорию, которую когда-то объединял Советский Союз. Независимо от того, каким образом страны, возникшие в Советском Союзе, организуют свои взаимоотношения, это то, что касается их. Нет никакой значимой связи с любыми процессами, происходящими в Европе, независимо от того, хотите ли вы назвать их «подъемом», «падением» или чем-то еще. Новый Шелковый путь не является интеграционным проектом, это одна из коммерческих экспансий в сочетании с определенным политическим аппетитом Коммунистической партии Китая использовать свою экономическую мощь для завоевания влияния в ряде стран. То, что движет этим, полностью отличается от того, что движет Евразийским союзом, и, опять же, нет никакой связи ни с чем, что может происходить в Европе.

5. Did Oswald Spengler's forecasts come true?

5. Сбылись ли прогнозы Освальда Шпенглера?

Oswald Spengler was no mentalist, and the purpose of writing his book in the early 20th century was to reflect on world history in very broad terms.

Освальд Шпенглер не был менталистом, и целью написания его книги в начале XX в. было размышление о мировой истории в очень широких пределах.

От состояния «культуры» к состоянию «цивилизации»

Р.Ш. Давлетгильдеев

From the state of “culture” to the state of “civilization”

R. Davletgildeev

1. Существует ли «закат Европы» как концептуальная модель сегодня? Каковы ее характеристики?

Переход от состояния «культуры» к состоянию «цивилизации» на сегодняшний день имеет весьма широкое распространение, в том числе не только в Западной Европе, но и в других регионах мира. Основной характеристикой современного цивилизационного периода можно назвать кризис капиталистической системы хозяйствования, особенно в части империалистического механизма экстенсивного роста за счет «поглощения» новых пространств для формирования рынков сбыта. К началу XXI в. таких новых пространств уже практически не осталось, за исключением «осколков» социалистической системы: КНДР, Куба, Венесуэла... Китайская Народная Республика в данном случае активно включилась в мировое рыночное пространство.

В то же время прямые аналогии с периодом Древнего Рима, как это делает Освальд Шпенглер, сейчас провести весьма сложно. Европейский Союз, включающий пока 28 государств, на наш взгляд, не исчерпал своих качеств «культуры» в рамках периода после Второй мировой войны. Постепенное движение к состоянию «цивилизации» еще не закончено и периодически приостанавливается возникающими кризисами идентичности и солидарности.

Давлетгильдеев Рустем, доктор юридических наук, доцент, академический координатор Центра превосходства Жана Монне в области европейских исследований VOICES+, заместитель декана юридического факультета по международной деятельности, Казанский федеральный университет; 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18; davletru@gmail.com.

Davletgildeev Rustem, Doctor of Law, Academic coordinator of the Jean Monnet Centre of Excellence in European Studies VOICES+, Vice-dean of the Faculty of Law on International Activity, Kazan Federal University, Kremlevskaya St., 18, Kazan 420008; davletru@gmail.com.

2. Можем ли мы говорить о специфике восприятия «заката Европы» изнутри и снаружи? И если да, то каковы различия в концептуальных подходах к данной проблеме?

—

3. Можем ли мы оценить миграционный кризис, регионализм, кризис идентичности и солидарности в Европе как «свидетельства заката Европы»?

Миграционный кризис в Европе образца 2015 г. показал кризис солидарности государств — членов Европейского Союза и усилил проблему идентичности европейцев, однако, на наш взгляд, миграционные потоки людей из зон вооруженных конфликтов, из стран с низким уровнем экономического развития, ищущих убежище на территории ЕС, не соответствуют организованному Великому переселению народов начала I тысячелетия — Шпенглеровской аналогии распада Древнего Рима.

Миграционные процессы в Европе после Второй мировой войны привели к тому, что современные европейские государства в большей части стали полиэтничны, это усложняет ощущение общей идентичности, но создает основу для обогащения «культуры», не дает застыть и перейти в «цивилизацию». Усиление «правых» течений в политических системах государств — членов ЕС, рост ксенофобии по отношению к мигрантам могут привести к повторению ситуации 30-х гг. XX в., однако речь будет идти опять о национальных интересах отдельных государств, а не об обще-европейской «национальной» империи.

Регионализм современного мира также не идентичен античному, поскольку он существует внутри процесса глобализации, а не сам по себе.

4. Являются ли интеграционные проекты Евразийского Союза, Нового Шелкового Пути (Один Пояс — Один Путь) симптомом угасания европейской цивилизации в послевоенном формате, знакомом нам с конца 1940-х гг.?

Интеграционные проекты ЕАЭС, Нового Шелкового пути никак не связаны с угасанием европейской цивилизации. Проект Нового Шелкового Пути можно рассматривать как проект расширения сферы влияния для КНР в контексте преобразования его в Шпенглеровскую «цивилизацию». Проект Евразийского союза пока не стоит рассматривать в этой системе координат ввиду разнонаправленных интересов входящих в него государств.

5. Сбылись ли прогнозы Освальда Шпенглера?

На наш взгляд, сегодня в роли Западного мира О. Шпенглера выступает большая часть мира, с точки зрения кризиса современной капиталистической системы. Впрочем, после распада СССР роль первенства в социалистической системе занял Китай, действующий по рыночным правилам, но сохраняющий прежнюю политическую систему.

Europe in the global context

B. Christiansen

Европа в глобальном контексте

Б. Кристиансен

1. Is there a “decline of Europe” as a conceptual model today? What are its characteristics?

1. Существует ли «закат Европы» как концептуальная модель сегодня? Каковы ее характеристики?

From my research and perspective, there is yet no truly reliable or established conceptual model today regarding a decline of Europe or anywhere else for that matter. This is particularly the case in contemporary globalism in which the speed of technological development and use, among other factors, is affecting all regions of the world in different ways both positively and negatively. Therefore, any real attempt to develop a conceptual model of any type today will more than likely be short-lived due to the rapid changes occurring worldwide which are beyond the effective control of national governments and their citizens alike.

С моей точки зрения, сегодня нет действительно надежной или сложившейся концептуальной модели относительно заката Европы или где-либо еще в этом отношении. Это особенно актуально в эпоху современного глобализма, в котором скорость технологического развития и использования, помимо прочего, влияет на все регионы мира по-разному как положительно, так и отрицательно. Поэтому любая реальная попытка разработать концептуальную модель любого типа сегодня, скорее всего, будет недолговечной из-за быстрых изменений, происходящих во всем мире, которые выходят за рамки эффективного контроля над национальными правительствами и их гражданами.

Брайан Кристиансен, исполнительный директор НКО “Global Research Society”, 5301, Хорстман Роуд, Уильямстон, Мичиган, 48895, США; globalresearchsociety1@gmail.com.

Bryan Christiansen, Chief Executive Officer, GLOBAL RESEARCH SOCIETY, LLC, 5301 Horstman Road, Williamston, Michigan 48895 USA; globalresearchsociety1@gmail.com.

2. Can we talk about the specifics in the perception of the “decline of Europe” from the inside and outside? And if so, what are the differences in conceptual approaches to this problem?

2. Можем ли мы говорить о специфике восприятия «заката Европы» изнутри и снаружи? И если да, то каковы различия в концептуальных подходах к данной проблеме?

A very key factor to consider beyond technology in any discussion regarding regional decline (or development) is the rapidly aging global population. This undeniable fact appears to be commonly overlooked in any discourse on world events, especially within the economic and government arenas. Unprecedented changes in the world population is bringing unique challenges to businesses, governments, and societies that should be the main focus of any research or publication on regional issues and Europe is most certainly no exception. In fact, personal experience indicates Europe often does its best to dismiss the reality of rapid aging within its borders even with the enormous and recent influx of migration from other areas of the world that has brought younger (yet unwanted) populations to Europe's shores often via Turkey.

It is important to note that for most of world history, the elderly (those over 65 years of age) have never exceeded more than four percent of a country's population. The Center for Strategic Studies and International Studies in the USA estimates this figure will reach 25% on average in the developed world by 2050. This is a threshold year because by then some fast-aging European nations such as Germany, Italy, and Spain will experience the elderly exceeding 35% of their national populations. The implications on European society, government, and business should be self-evident, especially with regards to pensions, healthcare costs, and corporate performance and profitability which all have an effect on long-term individual well-being.

Ключевым фактором, который следует учитывать вне технологии в любом обсуждении регионального падения (или развития), является быстро растущее глобальное население. Этот неоспоримый факт, по-видимому, обычно игнорируется в любом дискурсе о мировых событиях, особенно на экономической и правительственной аренах. Беспрецедентные изменения в мировом населении создают уникальные проблемы для предприятий, правительств и обществ, которые должны быть в центре внимания любых исследований или публикаций по региональным вопросам, а Европа, безусловно, не является исключением. Фактически, личный опыт показывает, что Европа часто делает все возможное, чтобы отвергнуть реальность быстрого старения в своих границах даже при огромном и недавнем притоке миграции из других районов мира, который привел к тому, что молодые (но нежелательные) популяции появляются на берегах Европы, часто с территории Турции.

Важно отметить, что на протяжении большей части мировой истории пожилые люди (люди старше 65 лет) никогда не превышали более четырех процентов населения страны. По оценкам Центра стратегических и международных исследований в США, эта цифра достигнет 25% в среднем в развитых странах к 2050 г. Это пороговый год, потому что к тому времени некоторые быстро растущие европейские страны, такие как Германия, Италия и Испания, окажутся в ситуации, когда количество пожилых людей превысит 35% их национального населения. Последствия для европейского общества, правительств и бизнеса должны быть очевидны, особенно в отношении пенсий, расходов на здравоохранение, а также эффективности и рентабельности бизнеса, которые оказывают влияние на долгосрочное индивидуальное благополучие.

3. Can we assess the migration crisis, regionalism, identity crisis and solidarity in Europe as an “evidence of the decline of Europe”?

3. Можем ли мы оценить миграционный кризис, регионализм, кризис идентичности и солидарности в Европе как «свидетельства заката Европы»?

There are five other global “mega-trends” beyond demographics and technology which must be included in this commentary on any potential European decline: environmental concerns, the imperative to increase worker productivity especially in advanced economies such as Europe, the growing incongruence between political and economic or social realities, threats to social stability and order, and an expanding global skills gap. These seven issues combined both transcend – and include – any migration crisis, regionalism, identity crisis, or European solidarity. Essentially, these realities examine the perception of any possible European decline from inside and outside the continent; therefore, it is not really necessary to discuss (other) specifics or differences in conceptual approaches related to this topic.

Существует пять других глобальных «мега-трендов», выходящих за рамки демографических характеристик и технологий, которые должны быть включены в этот комментарий о любом потенциальном европейском спаде: экологические проблемы, императив повышения производительности труда, особенно в странах с развитой экономикой, таких как Европа, растущее несоответствие между политическими и экономическими или социальными реалиями, угроз социальной стабильности и порядка, а также разрывов на глобальном уровне. Эти семь проблем сочетают в себе как преодоление, так и включение любого кризиса – миграции, регионализм, кризис идентичности или европейскую солидарность. По сути, эти реалии демонстрируют восприятие любого возможного европейского упадка внутри и за пределами континента; поэтому нет необходимости обсуждать (другие) особенности или различия в концептуальных подходах, связанных с этой темой.

4. Are the integration projects of the Eurasian Union, the New Silk Road (One Belt – One Road) a symptom of the extinction of European civilization in the post-war format familiar to us from the 1940s?

4. Являются ли интеграционные проекты Евразийского Союза, Нового Шелкового Пути (Один Пояс – Один Путь) симптомом угасания европейской цивилизации в послевоенном формате, знакомом нам с конца 1940-х гг.?

Integration projects such as the Eurasian Union, the New Silk Road, MENA (Middle East and North Africa), and CIVETS (Colombia, Indonesia, Vietnam, Egypt, Turkey, and South Africa) must also contend with the seven areas outlined above. At least some evidence of this can be found in the BRICS economic bloc of Brazil, Russia, India, China, and South Africa which is now experiencing significant (economic) downfall in the face of increasing global hypercompetition. Therefore, these projects do not necessarily portray a symptom of the extinction of European civilization in the post-war format familiar to the 1940s. In fact, the global environment of that horrific decade cannot reasonably be compared to today's worldwide situation, although it can probably be stated the current and subsequent decade will decide future regional and national fortunes at least to the end of this century. Essentially, the global battle for economic, social, and political dominance in the 21st century is well under way with China, Russia, and the USA leading the pack.

Интеграционные проекты, такие как Евразийский союз, Новый Шелковый путь, БВСА (Ближний Восток и Северная Африка) и CIVETS (Колумбия, Индонезия, Вьетнам, Египет, Турция и Южная Африка) также должны бороться с семью проблемами, изложенными выше. По крайней мере, некоторые доказательства этого можно найти в экономическом блоке БРИКС Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки, которая в настоящее время испытывает значительное (экономическое) падение в условиях растущей глобальной гиперконкуренции. Поэтому эти проекты не обязательно отражают симптом исчезновения европейской цивилизации в послевоенном формате, знакомом по 1940-м гг. Фактически, глобальная среда этого ужасающего десятилетия не может быть разумно сравнима с сегодняшней мировой ситуацией, хотя, вероятно, можно сказать, что нынешнее и последующее десятилетие будут определять будущие региональные и национальные состояния, по крайней мере, до конца этого столетия. По сути, глобальная борьба за экономическое, социальное и политическое господство с Китаем, Россией и США, возглавляющими эту борьбу, в XXI в. идет полным ходом.

5. Did Oswald Spengler's forecasts come true?

5. Сбылись ли прогнозы Освальда Шпенглера?

Nations and regions possess different globalization or integration processes due to their idiosyncratic dynamics regarding socio-economic and cultural issues. Therefore, they have experienced a different growth and development process. Contemporary globalization has gathered great momentum over the past four decades leading to

important changes in the economic, political, and cultural dynamics of countries and regions alike, including Europe. What must be understood here is that the global geopolitical and economic situation in 2018 has not been seen since before World War II, although the dynamics are rather different today. As such, the outcomes will most likely be different as well including in Europe.

Fast-moving events around the world today are changing the economic, political, and social environments quicker than ever before in history. Therefore, the need to reevaluate current models and develop more contemporary ones is paramount to making the world a safer and happier place for all, especially in Europe where both World Wars were ignited. Therefore, it is superfluous to revisit the previous forecasts of personalities such as Oswald Spengler in the present day; instead, it is far more productive to closely examine the issues and realities above and develop robust solutions to contemporary problems both global and regional that are effective and long-lasting.

Народы и регионы оказываются вовлечены в различные процессы глобализации или интеграции из-за своей необычной динамики в отношении социально-экономических и культурных проблем. Поэтому они испытывают разную степень роста и развития. За последние четыре десятилетия современная глобализация накопила большой импульс, что привело к важным изменениям в экономической, политической и культурной динамике стран и регионов, включая Европу. Здесь нужно понимать, что глобальная геополитическая и экономическая ситуация в 2018 г. не предвиделась со времен Второй мировой войны, хотя сегодня динамика значительно отличается. Таким образом, результаты, скорее всего, будут отличаться, в том числе и в Европе.

Быстро сменяющиеся события во всем мире сегодня меняют экономическую, политическую и социальную среду быстрее, чем когда-либо в истории. Поэтому необходимость переоценить текущие модели и развивать более современные из них имеет первостепенное значение, чтобы сделать мир более безопасным и счастливым местом для всех, особенно в Европе, где возникли обе мировые войны. Поэтому в настоящее время излишне пересматривать предыдущие прогнозы таких личностей, как Освальд Шпенглер; вместо этого гораздо более продуктивным является тщательное изучение вышеперечисленных проблем и реалий и разработка надежных решений современных и глобальных и региональных проблем, которые будут эффективными и долгосрочными.

REFERENCES

- Acemoglu D., Robinson J. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. New York: Crown Business, 2013.
- Boland L.A. *Equilibrium Models in Economics: Purposes and Critical Limitations*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2017.

- Campbell B.A., Coff R., Kryscynski D. Rethinking Sustained Competitive Advantage from Human Capital, in *Academy of Management Review*. 2012. Vol. 37. № 3. Pp. 376–395.
- Chand M., Tung R.L. The Aging of the World's Population and its Effect on Global Business, in *Academy of Management Perspectives*. 2014. Vol. 28. № 4. Pp. 409–429.
- Cooper R.N. Global Imbalances: Globalization, Demography, and Sustainability, in *The Journal of Economic Perspectives*. 2008. Vol. 22. № 3. Pp. 93–112.
- Esposito M. *The European Financial Crisis: Analysis and a Novel Intervention*. Boston: Harvard University. 2014.
- Friedman G. *The Next 100 Years: A Forecast for the 21st Century*. New York: Anchor. 2010.
- International Monetary Fund (IMF). *The Refugee Surge in Europe: Economic Challenges*. New York: International Monetary Fund. 2016.
- McKinsey Global Institute *Global Growth: Can Productivity Save the Day in An Aging World?* New York: McKinsey & Company. 2015.
- Potrafke N. Political cycles and economic performance in OECD countries: empirical evidence from 1951–2006, in *Public Choice*. 2012. Pp. 150(1–2), 155–179.
- Sampson T. Brexit: The Economics of International Disintegration, in *Journal of Economic Perspectives*. 2017. Vol. 31. № 4. Pp. 163–184.

Европа на перекрестке

Г. Илик

Europe on the cross-roads

G. Ilik

1. Is there a “decline of Europe” as a conceptual model today? What are its characteristics?

1. Существует ли «закат Европы» как концептуальная модель сегодня? Каковы ее характеристики?

I do not think it's a “decline of Europe”, but we can talk about “Europe at the crossroads”. Europe, the European Union in particular, is now at a crossroads, on the one hand a choice between investing in the European “Grand Design” and its institutional reform, and upgrading its existing structures or the “status quo” position on the other, which will strengthen the hybrid and intergovernmental character of the EU and it would subordinate it in the background, primarily respecting the interests of its member states. Namely, the question is whether the EU will continue to function according to the “Monnet Method” or will be able to extend the “Community Method” and thereby operatively and institutionally complete the existence and functioning of the EU as a political entity, with its own authentic values, goals and interests.

The “Decline of Europe” thesis, at least as far as the EU and its further development are concerned, is largely provoked by several circumstances, including the debt crisis and the Eurozone crisis, the migrant problem, and the EU's institutional underdevelopment and democratic deficit. Regarding the latter, it is important to emphasize that after the “collapse” of the Constitutional Treaty and the creation of the Lisbon Treaty, the EU has failed to provide a functional institutional base for its further development. On the contrary, through the Treaty of Lisbon, it only “connotes” its status as a “political dwarf and military worm”.

Горан Илик, PhD, декан юридического факультета Университета Климента Охридского, Битола, ул. Рудничка, Кичево, Республика Македония; goran.ilik@uklo.edu.mk.

Goran Ilik, PhD, Faculty of Law, “St. Kliment Ohridski” University, Bitola, Str. Rudnicka, Kicevo, Republic of Macedonia; goran.ilik@uklo.edu.mk.

Moreover, with the installation of the European Council in the institutional structure of the EU, some kind of “suction” of the democratic potential of the EU was made, and the political life of the EU began to strongly determine the major (dominant) member states in the European Council (especially Germany), affirming at the same time its own national interests and world view, to the detriment of the interests and goals of the EU as a whole.

The crisis in the Eurozone has initiated and stimulated egoistic tendencies between the EU member states and deepening of the inner EU disparities in relation “rich – poor” and “indebted – economic superior” and so on. This trend triggered national egoism in the EU and demarcated the border between economically superior countries on the one hand and debt-making countries on the other. The attention again was focused on the interests of the member states, and the EU failed to institutionalize itself as a stabilizing factor in these developments.

The migrant crisis is an additional aggravating circumstance in the functioning of the EU. This also stimulated the already negative trends in the EU, regarding its institutional underdevelopment, democratic deficit and the crisis in the Eurozone.

With the emergence of the migrant crisis not only began to intensify national egoism at the expense of the interests of the EU, but it also opened the question of changing the worldview among the member states and questioning the constitutive and original value propositions on which the today’s EU liberal-democratic values are constituted.

This is the beginning of the process of the emergence of populist interpretations of democracy, i.e. illiberal democracy or Christian democracy (according to Victor Orban, a form of illiberal democracy, “spiced up” with the fear of Islamization of Europe).

Я не думаю, что это «закат Европы», но мы можем говорить о «Европе на перекрестке». Европа, в частности Европейский союз, сейчас находится на перепутье, с одной стороны, выбор между инвестированием в европейский «Великий дизайн» и его институциональную реформу и модернизацию существующих структур или позицией «статус-кво» – с другой, которая укрепит гибридный и межправительственный характер ЕС, и подчинит себе, в первую очередь уважая интересы своих государств-членов. А именно, вопрос заключается в том, будет ли ЕС продолжать функционировать в соответствии с «методом Монне» или сможет расширить «метод сообщества» и тем самым оперативно и институционально оформить существование и функционирование ЕС как политического субъекта с его собственными аутентичными ценностями, целями и интересами.

Тезис «Закат Европы», по крайней мере в отношении ЕС и его дальнейшего развития, во многом вызван несколькими обстоятельствами, в том числе долговым кризисом и кризисом в еврозоне, проблемой мигрантов и институциональным недоразвитием ЕС и демократическим дефицитом. Что касается последнего, важно подчеркнуть, что после «краха» Конституционного договора и появления Лиссабонского договора ЕС не смог создать функциональную институциональную

базу для его дальнейшего развития. Напротив, в Лиссабонском договоре он лишь «обозначает» статус «политического карлика и военного червя».

Более того, с установкой Европейского Совета в институциональной структуре ЕС было сделано какое-то «всасывание» демократического потенциала ЕС, и политическая жизнь ЕС стала решительно определять основных (доминирующих) членов-государств в Европейском совете (особенно в Германии), подтверждая в то же время свои собственные национальные интересы и мировоззрение в ущерб интересам и целям ЕС в целом.

Кризис в еврозоне инициировал и стимулировал эгоистические тенденции между государствами – членами ЕС и углубление внутренних диспропорций ЕС в отношении «богатых/бедных» и «должников/экономических руководителей» и т.д. Эта тенденция вызвала национальный эгоизм в ЕС и демаркировала границу между экономически превосходящими странами, с одной стороны, и странами-должниками, с другой. Внимание вновь было сосредоточено на интересах государств-членов, и ЕС не смог институционализировать себя как стабилизирующий фактор в этих процессах.

Миграционный кризис является дополнительным отягчающим обстоятельством в функционировании ЕС. Это также стимулировало и без того негативные тенденции в ЕС, касающиеся его институционального недоразвития, демократического дефицита и кризиса в еврозоне.

С появлением миграционного кризиса не только начал активизировать национальный эгоизм за счет интересов ЕС, но он также открыл вопрос об изменении мировоззрения среди государств-членов и опротестовании конститутивных и оригинальных ценностных предложений, на которых построены либерально-демократические ценности ЕС.

Это начало процесса появления популистских толкований демократии, то есть нелиберальной демократии или христианской демократии (по словам Виктора Орбана, формы нелиберальной демократии, «приправленной» страхом исламизации Европы).

2. Can we talk about the specifics in the perception of the “decline of Europe” from the inside and outside? And if so, what are the differences in conceptual approaches to this problem?

2. Можем ли мы говорить о специфике восприятия «заката Европы» изнутри и снаружи? И если да, то каковы различия в концептуальных подходах к данной проблеме?

Of course, from the inside, the perception of the “decline of Europe” is largely based on the view that the EU has not fulfilled its main goal, such as the integration of different societies, institutional underdevelopment, democratic deficit and the emergence of

European elitism and bureaucracy, which in the EU member states provokes resistance to the European project, while in countries that aspire to become full members, it causes feelings of resentment and euro-defeatism.

From an external point of view, I think that “the decline of Europe” is treated as an inability of the EU to profile itself as an “emerging power” and to stand side by side with the United States, Russia and China. Namely, the EU is portrayed as an unsuccessful project, completely dependent on the will of the United States “living in the clouds” of liberal democracy. In this sense, the “decline of Europe” can also be considered a “decline of liberal democracy”, taking into account the fact that the EU is a fruit of the values of liberal democracy and one of its loudest promoters worldwide.

When we talk about conceptual approaches in this context, one should take into account the relation liberal democracy vs. illiberal democracy as antagonized concepts. On the internal plane, this relation makes the EU incapable of defending the interests of its own member states (the pressure of the migrant crisis, the fear of Islamization of Europe, the European bureaucracy and the “betrayal” of the nation – state as an avant-garde historical product versus the “artificial” and postmodern character of the EU).

Externally, the question arises from whether Europe is capable of dealing with global challenges and becoming a partner in the “division” of the world between the United States, Russia and China. In this sense, they emphasize its external anomalies, the lack of a single foreign political identity of the EU, the lack of a European army, military and political dependence on the United States (questioned by the Donald Trump administration in the United States), the inability of the EU to create coherent and consistent policies in the context of foreign policy, as well as the absence of an authentic “European interest” that would absorb the national interests of the EU member states.

Hence, the “decline of Europe” can be treated as an “immaturity” of the EU to become a proactive player and factor in international relations with clearly defined foreign political interests and goals.

Конечно, изнутри восприятие «упадка Европы» во многом основывается на том, что ЕС не выполнил своей основной цели, такой как интеграция различных обществ, институциональное отставание, дефицит демократии и появление европейских элитарности и бюрократии, которые в странах-членах ЕС провоцируют сопротивление европейскому проекту, в то время как в странах, которые стремятся стать полноправными членами, это вызывает чувство негодования и евроскептицизма.

С внешней точки зрения я считаю, что «закат Европы» рассматривается как неспособность ЕС проявить себя как «возникающая держава» и стоять бок о бок с Соединенными Штатами, Россией и Китаем. А именно, ЕС изображается как неудачный проект, полностью зависящий от воли Соединенных Штатов, «живущих в облаках» либеральной демократии. В этом смысле «закат Европы» можно также считать «упадком либеральной демократии», принимая во внимание тот факт, что

ЕС является результатом ценностей либеральной демократии и одним из его самых громких пропагандистов во всем мире.

Когда мы говорим о концептуальных подходах в этом контексте, следует учитывать отношение либеральной демократии к нелиберальной демократии как антагонистических концепций. Во внутреннем плане это отношение делает ЕС неспособным защищать интересы своих государств-членов (давление миграционного кризиса, страх исламизации Европы, европейская бюрократия и «предательство» нации-государства как авангардный исторический продукт по сравнению с «искусственным» и постмодернистским характером ЕС).

Внешне вопрос возникает из того, способна ли Европа справиться с глобальными вызовами и стать партнером в «разделении» мира между Соединенными Штатами, Россией и Китаем. В этом смысле подчеркиваются внешние аномалии, отсутствие единой внешнеполитической идентичности ЕС, отсутствие европейской армии, военная и политическая зависимость от Соединенных Штатов (поставленные под сомнение администрацией Дональда Трампа в США), неспособность ЕС создать согласованную и последовательную политику в контексте внешней политики, а также отсутствие аутентичных «европейских интересов», которые воплотили бы национальные интересы государств — членов ЕС.

Следовательно, «закат Европы» можно рассматривать как «незрелость» ЕС, чтобы стать активным игроком и фактором международных отношений с четко определенными внешнеполитическими интересами и целями.

3. Can we assess the migration crisis, regionalism, identity crisis and solidarity in Europe as an “evidence of the decline of Europe”?

3. Можем ли мы оценить миграционный кризис, регионализм, кризис идентичности и солидарности в Европе как «свидетельства заката Европы»?

Of course yes. Especially as key parameters for the «evidence of the decline of Europe» may be the migrant crisis, the identity crisis (in the internal political and foreign policy), and the crisis of solidarity (started with the emergence of the debt crisis, and today reinforced by migrant crisis).

But, it must be emphasized that the crisis as such, has a special role in the European affairs. The theorist Roberto Castaldi emphasized that: “The basic push of the European unification process [always] was linked to the historical crisis of the nation state (...) namely the impossibility for the European nation-states to ensure their economic development and security by themselves”.¹ According to the contemporary European federalists, the Eurozone crisis represent a crisis of the EU intergovernmental régime, which directly stems from “the crises of national powers and their obvious inability to

¹ Roberto Castaldi, Europe needs initiative and leadership to overcome the crisis. Perspectives on Federalism, 2012, pp. 4–8. Retrieved from http://www.onfederalism.eu/attachments/069_download.pdf.

prevent and resolve the present financial and debt crisis within Europe. In that sense, the European federalists, "have often been to identify clearly and precisely the supranational character of the crisis, and then propose solutions that involved a strengthening of the [European] unification process".¹ The whole mess around the financial crisis regarding the PIGS-countries (Portugal, Italy, Greece and Spain) succeeds to undermine the belief in the European unification project and its positive dimension for preserving the peace, stability, and economic progress of the European continent.

Hence, the question that naturally arises is whether this time the "crisis" will succeed in transforming itself into propulsion fuel for the development and improvement of the EU, or it will "judge" the entire historical process of creating European integration, capable for pacification of the whole continent and introduce it into the era of development and progress.

Да, конечно. Тем более что ключевыми параметрами «свидетельства заката Европы» могут быть миграционный кризис, кризис идентичности (во внутренней и внешней политике) и кризис солидарности (начавшийся с возникновения долгового кризиса и сегодня усиленный миграционным кризисом).

Но следует подчеркнуть, что кризис как таковой играет особую роль в европейских делах. Теоретик Роберто Кастальди подчеркнул: «Основной толчок процесса европейской интеграции (всегда) был связан с историческим кризисом национального государства (...), а именно: невозможностью для европейских национальных государств обеспечить их экономическое развитие и безопасность сами по себе». По мнению современных европейских федералистов, кризис в еврозоне представляет собой кризис межправительственного режима ЕС, который напрямую связан с «кризисами национальных держав» и их очевидной неспособностью предотвратить и разрешить нынешний финансовый и долговой кризис в Европе. В этом смысле европейские федералисты «часто должны четко и ясно определять наднациональный характер кризиса, а затем предлагать решения, которые связаны с укреплением процесса европейской интеграции». Весь беспорядок вокруг финансового кризиса в отношении стран PIGS (Португалия, Италия, Греция и Испания) подрывает веру в проект европейской интеграции и его позитивное измерение для сохранения мира, стабильности и экономического прогресса на европейском континенте.

Следовательно, возникает вопрос о том, преуспеет ли на этот раз «кризис» в превращении себя в двигательное топливо для развития и улучшения ЕС, или он «осудит» весь исторический процесс создания европейской интеграции, способный к умиротворению всего континента и представлению его в эпоху развития и прогресса.

¹ Roberto Castaldi, Europe needs initiative and leadership to overcome the crisis. Perspectives on Federalism, 2012, pp. 4–8. Retrieved from http://www.onfederalism.eu/attachments/069_download.pdf.

4. Are the integration projects of the Eurasian Union, the New Silk Road (One Belt – One Road) a symptom of the extinction of the European civilization in the post-war format familiar to us from the 1940s?

4. Являются ли интеграционные проекты Евразийского Союза, Нового Шелкового Пути (Один Пояс – Один Путь) симптомом угасания европейской цивилизации в послевоенном формате, знакомом нам с конца 1940-х гг.?

I think not, I think that they are the new challenges of the modern world. Otherwise, European civilization – I think – has been largely changed in relation to the post-war format familiar to us since the 1940s. The new geopolitical and geostrategic shifts and groupings will certainly influence the formation of the new face of the European civilization and its further development. But only through the institutional and political encirclement of the EU, the defense and the affirmation of its liberal – democratic worldview and character, as well as its positioning as a relevant global actor, will be able to strengthen the liberal – democratic character and direction of the movement of the contemporary European civilization. Concerning the integration projects of the Eurasian Union and the New Silk Road (One Belt – One Road), I think they are still not in a position to parry the EU's role in European affairs, and they must not be underestimated, but rather controlled.

Or, as Robert Kagan emphasized that the liberal international order, which emerged after the World War II and the Cold War, reflected the new victorious global balance of power in favor of the liberal powers. But “those victories were not inevitable, and that does not mean that they will be lasting.”

In a struggle for a better tomorrow, countries such as Belgium, Poland, Greece, Spain, Germany, and even France and the United Kingdom will not have enough power to adequately position themselves on the global stage and face growing nationalism and potentially aggressive autocracies like China and Russia.

In this sense, finally, Europe and its regional structure – the European Union – will have to stand on some “solid feet” with clearly built attitudes about the future of the world, the challenges of the new world order, and of course its place in it. Because, as Robert Kagan asks: “Is Europe ready to confront the knife with a knife?” This question directly implies the need to encourage Europeans to think about how to project their European power in the future, in terms of preserving and promoting their collective values and interests, and in general the defense of the axiological system of liberal democracy.

Or, as Garry Kasparov speaks of the defense of Western values: “I advocate for a return to many of the principles and policies that were dominant in the West during the Cold War. But that does not mean I want to turn back the clock. As the Bible says, “No one pours new wine into old wineskins. Otherwise, the wine will burst the skins, and both the wine and the wineskins will be ruined”. We cannot pour the modern wine of globalization and the multipolar world into the old wineskin of obsolete Cold War institutions and

regulations. Times change. Circumstances change. Institutions must change. But our values must not".¹

Я думаю, что нет; я думаю, что это новые вызовы современного мира. Наоборот, европейская цивилизация, я думаю, в значительной степени изменилась по сравнению с послевоенным форматом, знакомым нам с 1940-х гг. Новые геополитические и геостратегические сдвиги и группировки непременно повлияют на формирование нового облика европейской цивилизации и ее дальнейшее развитие. Но только через институциональное и политическое окружение ЕС защита и утверждение ее либерально-демократического мировоззрения и характера, а также позиционирование как соответствующего глобального актора смогут укрепить либерально-демократический характер и направленное движение современной европейской цивилизации. Что касается интеграционных проектов Евразийского союза и Нового Шелкового пути (Один пояс — Один путь), я думаю, что они по-прежнему не в состоянии конкурировать с ролью ЕС в европейских делах, но их нельзя недооценивать, а контролировать.

Или, как сказал Роберт Каган, либеральный международный порядок, возникший после Второй мировой войны и холодной войны, отразил новый победный глобальный баланс сил в пользу либеральных держав. Но «эти победы не были неизбежны, и это не значит, что они будут продолжительны».

В борьбе за лучшее завтра такие страны, как Бельгия, Польша, Греция, Испания, Германия и даже Франция и Соединенное Королевство, не будут обладать достаточной властью, чтобы адекватно позиционировать себя на мировой арене и сталкиваться с растущим национализмом и потенциально агрессивными автократиями, такими как Китая и России.

В этом смысле, наконец, Европе и ее региональной структуре — Европейскому союзу — придется стоять на «твердых ногах» с четко выраженным отношением к будущему мира, вызовам нового мирового порядка и, конечно же, своим местом в этом. Потому что, как Роберт Каган спрашивает: «Европа готова противостоять ножу ножом?». Этот вопрос прямо подразумевает необходимость побуждать европейцев думать о том, как проектировать свою европейскую власть в будущем с точки зрения сохранения и продвижения своих коллективных ценностей и интересов и в целом защиты аксиологической системы либеральной демократии.

Или, как говорит Гарри Каспаров о защите западных ценностей: «Я выступаю за возвращение к многим принципам и политике, которые доминировали на Западе во время «холодной войны», но это не значит, что я хочу повернуть вспять часы. Как говорится в Библии: «Никто не вливает новое вино в старые мехи. В противном случае вино разрывает мехи, и вино будет испорчено. «Мы не можем налить

¹ Gary Kasparov, *Winter is Coming: Why Vladimir Putin and the Enemies of the Free world Must be Stopped*. PublicAffairs, New York, 2015, p. 134.

современное вино глобализации и многополярного мира в старые мехи устаревших институтов и правил холодной войны. Времена меняются. Обстоятельства меняются. Институты должны измениться. Но наши ценности не должны».

5. Did Oswald Spengler's forecasts come true?

5. Сбылись ли прогнозы Освальда Шпенглера?

As curiosity, the monumental work of Oswald Spengler is also worth mentioning: "The decline of the West" as a very interesting reading, in which the author, in an organized way (using the seasons of the year) systematizes the epochs of the development of organic culture and civilization as its final stage of development with all their specifics and details. It had its "spring" in medieval times, it reached its "summer" with the Renaissance, and its "autumn" took place in the XVIII century. Then it moved into its "winter" phase, which Spengler calls a "civilization" as distinct from a culture. It goes in for great engineering feats, for annihilation wars and dictatorships; its population shifts from the countryside into huge amorphous cities which produce a new kind of a mass-man. The first significant representative of this winter civilization was Napoleon.

But whether the new geopolitical and geostrategic regroupings bring the world into the "winter" phase remains to be seen. Spengler's "predictions" look staggering and dystopian. Moreover if we take into account the crises facing the EU inside and outside, the torn relations within the transatlantic partnership (with the advent of Donald Trump for the US president), the rise of Vladimir V. Putin (well described by Garry Kasparov in the book: "Winter is Coming: Why Vladimir Putin and the Enemies of the Free World Must Have Stopped"), Victor Orban in Hungary, etc. But it also must be noted that "the decline of Europe" is just one side of the coin, the other side affirms the energy of progress, reforms, and the fight for a better future. However, not fully devoting to Spengler's pessimism, I think that the end of Europe or the Western world has not come yet, because, Europe's decline is a choice, not a destiny. The modern European civilization must find enough power and energy to combat with new "Napoleons" (autocratic and populist leaders) and wisdom to preserve its liberal-democratic values.

Кстати, монументальная работа Освальда Шпенглера также упоминается как «Закат Запада», как очень интересное чтение, в котором автор организованным способом (с использованием сезонов года) систематизирует эпохи развития органической культуры и цивилизации как ее заключительный этап развития со всеми их особенностями и деталями. У нее была «весна» в средневековье, она достигла своего «лета» с эпохой Возрождения, а ее «осень» состоялась в XVIII столетии. Затем он перешел в свою «зимнюю» фазу, которую Шпенглер называет «цивилизацией» в отличие от культуры. С этой эпохой связаны великие инженерные сдвиги, уничтожение войн и диктатур; его население переходит из сельской местности в огромные аморфные города, которые производят новый вид массового человека. Первым значительным представителем этой зимней цивилизации был Наполеон.

Но еще предстоит увидеть, выведут ли новые геополитические и геостратегические перегруппировки мир на «зимнюю» фазу. «Прогнозы» Шпенглера выглядят ошеломляющими и дистопичными. Более того, если учесть кризисы, с которыми сталкиваются ЕС внутри и снаружи, разорванные отношения внутри трансатлантического партнерства (с появлением Дональда Трампа как президента США), усиление Владимира Путина (хорошо описанный Гарри Каспаровым в книге «Наступает зима: почему Владимир Путин и враги свободного мира должны были остановиться»), Виктор Орбан в Венгрии и т.д. Но также следует отметить, что «упадок Европы» — это только одна сторона монеты, другая сторона подтверждает энергию прогресса, реформ и борьбу за лучшее будущее. Однако, не полностью поддавшись пессимизму Шпенглера, я думаю, что конец Европы или западного мира еще не наступил, потому что падение Европы — это выбор, а не судьба. Современная европейская цивилизация должна найти достаточную энергию и энергию для борьбы с новыми «Наполеонами» (автократическими и популистскими лидерами) и мудростью для сохранения ее либерально-демократических ценностей.

«Закат Европы» и проблема языков описания

А. Кожобекова

“The Decline of Europe” and the problem of the languages of description

A. Kojobekova

1. Существует ли «закат Европы» как концептуальная модель сегодня? Каковы ее характеристики?

Как известно, в основе концепции Шпенглера, представленной им в работе «Закат Европы», лежит понятие культуры, или культурной «души», что уже делает ее неинструментализируемой. Следует понимать, что книга Шпенглера появилась в условиях незавершенной войны в 1918г., хотя ее прочтение и интерпретации осуществлялись уже в послевоенное время. Реалии социальной, политической и культурной жизни после Первой мировой войны, крушения великих империй, кровавых революций, экономической депрессии не могли не вызывать ассоциаций с приближающимся концом Европы. Шпенглер объясняет, что «культура рождается в тот момент, когда великая душа пробуждается из вечно младенческого первичного состояния человечества, обособляет себя, как образ из безобразного, как ограниченное и переходящее из безграничного и пребывающего. Культура расцветает на почве строго ограниченной местности (“Landschaft”), с которой она растительно связана. Культура умирает, когда ее душа осуществила всю сумму своих возможностей в виде народов, языков, вероучений, искусств, государств, наук, и снова возвращается к первичному состоянию, к “перводушевности” (“Ursee-lentum”)... когда задача культуры выполнена, ее идея осуществлена, вся полнота ее возможностей проявлена, культура быстро окоченеет, отмирает, ее кровь свертывается, ее силы надламываются, — она становится цивилизацией и, подобно мертвому дереву, гиганту первобытного леса — она может еще целые столетия простирает в воздух свои засохшие ветви».

Кожобекова Айжаркын, кандидат философских наук, доцент, старший советник исследовательского сектора Тренингово-аналитического центра «Унум». 720050, Бишкек, ул. Раззакова, 33/1; Кыргызстан; akojobekova@gmail.com.

Kojobekova Aijarkyn, PhD in Philosophy, Associate professor, Senior Adviser on Research, UNUM, Training, Research and Analytics Company. 33/1, Razzakov street, Bishkek city, 7200506 Kyrgyzstan; akojobekova@gmail.com.

В этом смысле вычленять некоторую концептуальную модель так называемого «Заката Европы» — сегодня дело методологически неблагодарное, да и попросту невозможное, поскольку для подобного моделирования пришлось бы признать культурную гомогенность Европы и в этом смысле встать на позиции чрезмерной генерализации. Думается, концепт «заката Европы» скорее художественно-эстетический, нежели научно-инструментальный.

2. Можем ли мы говорить о специфике восприятия «заката Европы» изнутри и снаружи? И если да, то каковы различия в концептуальных подходах к данной проблеме?

Безусловно, внутреннее и внешнее восприятие как перспективы оценки всегда имеют свою специфичность. В этом смысле мы неизбежно сталкиваемся с проблемой идентичности как базового основания для подобных перспектив. Исходя из посылки множественности идентичности, сама бинарность «внутреннее и внешнее» оказывается в затруднении, поскольку возникает необходимость говорить о множественности внутреннего и множественности внешнего. Возникает вопрос о субъекте восприятия: кто утверждает или апеллирует к концепту «заката Европы»? Как утверждает? В каком контексте? И почему?

Вопрос о субъекте выводит нас в геополитическую перспективу, где мы вынуждены отойти от шпенглеровской культурной рамки к политическим интересам и сферам влияния, что, по сути, не позволяет нам продолжать дискуссию в терминах Шпенглера. Кроме того, сам объект восприятия также не может не подвергнуться некоторому расчленению, исходя из тех противоречий и столкновений, дискуссий и конфликтности, в которой находятся страны Европы, столь разительно отличающиеся сегодня друг от друга. BREXIT, споры о Евросоюзе, рост националистических движений, критика либерализма и многое другое свидетельствуют о многообразии самого объекта, чей закат предрекается уже более ста лет, но который с завидным упорством продолжает свое развитие. В частности, дискуссии о мемориальной культуре, получившие наибольший импульс в 90-е гг., скорее свидетельствуют о стремлении объекта к очередной самоидентификации и оснований для последующего роста, а не о «закате».

3. Можем ли мы оценить миграционный кризис, регионализм, кризис идентичности и солидарности в Европе как «свидетельства заката Европы»?

На первый взгляд, все эти процессы, кажется, буквально кричат о закате Европы, однако сама риторика «заката» скорее исходит из спекулятивно утвержденной модели Европы в сложившихся дискурсах и некотором стремлении вернуться к старым застывшим, устойчивым формам. Опираясь на Э. Баумана, можно отметить, что именно поиск устойчивых стабильных форм есть некоторое цепляние за прошлое, в котором все модели казались неизблемыми. Если принять идею «текучей современности», то сам «закат» становится лишь одной из таких же текучих форм, а не финальным этапом.

Надо отметить, что большое влияние на саму дискуссию о закате Европе оказывает сам язык описания происходящих процессов. Этот язык отличает его некоторая депрессивность и негативная ассоциативность. Понятие «кризис» используется в

описании практически всех процессов, от культурных до геополитических: кризис власти, кризис идентичности, миграционный кризис, кризис перепроизводства, кризис ценностей и т.д. Оно выталкивает нас в плоскость попыток схватить ускользающее и вернуть его на место, в то время как процесс развития неизбежно связан как с приобретением нового, так и потерей определенных компонентов. За более чем столетний период после написания книги Шпенглером, европейские страны выработали немало механизмов для решения своих внутренних и внешних проблем, что позволило им пройти немало кризисных моментов. В этом контексте вопрос состоит скорее в том, насколько им удастся справиться с текущими сложностями и сохранить концепт Европы как таковой. Как бы это ни парадоксально звучало, в тех самых устойчивых концептуальных конструктах (просвещение, рациональность, либерализм и т.д.), которые использовались для ее описания как изнутри, так и снаружи.

4. Являются ли интеграционные проекты Евразийского Союза, Нового Шелкового Пути (Один Пояс — Один Путь) симптомом угасания европейской цивилизации в послевоенном формате, знакомом нам с конца 1940-х гг.?

Данная концептуально-языковая рамка «заката» или «угасания» возвращает нас в ощущения фатальности конца, что обусловлено некоторой биологической концептуализацией истории. Сегодняшние глобальные и локальные интеграционные процессы являются не столько симптомами угасания европейской цивилизации, сколько тенденцией глобальных изменений во всем мире и возникновением новых форматов социально-экономических и политических взаимодействий.

Привычные рамки восприятия неизбежно будут расширяться, что приводит нас к неизбежной необходимости выработки нового языка описания происходящего, то есть речь идет о новых понятиях и концепциях, способных релевантно и полно отражать современные явления и процессы. Риторика в духе заката не позволяет нам в должной мере непредвзято смотреть на современность, втискивая нас в прокрустово ложе.

Вопрос скорее в том, как будут меняться привычные для нас пространства, вышедшие за рамки своих географических рамок, и какие именно новые модели будут все больше интегрироваться в повседневную практику.

5. Сбылись ли прогнозы Освальда Шпенглера?

Думается, что работу Шпенглера лучше рассматривать в контексте необходимости отказа от излишних генерализаций в вопросе мировой культуры; как некоторое предупреждение о невозможности бесконечного роста без тенденций к упадку; как призыв к интеллектуально рефлексии происходящего, но не как пророческое послание. Современные процессы более интенсивны и динамичны, чем сто лет назад, и информационно-технологические реалии радикально меняют мир. В этом контексте речь идет уже не о конфликте культуры и цивилизации, а необходимости осмысления того, что понимать под ними в условиях непрерывных изменений. Тем не менее, сама идея «заката» служит некоторым напоминанием о важности сохранения человечности, нравственности, сопричастности и сопереживания как прошлому, так и настоящему.